

*Прегледник
весны*

О. ГЕНРИ

Книга в сумочку

О. Генри

Предвестник весны (сборник)

«ЭКСМО»

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

О. Генри

Предвестник весны (сборник) / О. Генри — «Эксмо», — (Книга в сумочку)

«Маленькие люди» в большом Нью-Йорке заботятся друг о друге, переживают, встречаются и расстаются. Жизнь чаще всего преподносит им сюрпризы, и все идет не так, как бы они хотели. Каждая новелла неисправимого романтика и самого блестящего рассказчика Америки – это меткий юмор, хлесткие диалоги и непредсказуемая развязка.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

© О. Генри

© Эксмо

Содержание

Меблированная комната	6
Недолгий триумф Тильди	10
Купидон порционно	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

О. Генри

Предвестник весны

© Лорие М., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Меблированная комната

Беспокойны, непоседливы, преходящи, как само время, люди, населяющие красно-кирпичные кварталы нижнего Вест-сайда. Они бездомны, но у них сотни домов. Они перепархивают из одной меблированной комнаты в другую, не заживаясь нигде, не привязываясь ни к одному из своих убежищ, непостоянные в мыслях и чувствах.

Они поют «Родина, милая родина» в ритме рэгтайма, своих ларов и пенатов они носят с собой в шляпных картонках, их лоза обвивается вокруг соломенной шляпки, смоковницей им служит фикус.

Дома этого района, перевидавшие тысячи постояльцев, могли бы, вероятно, рассказать тысячи историй, по большей части скучных, конечно, но было бы странно, если бы после всех этих бродячих жильцов в домах не осталось ни одного привидения.

Однажды вечером, когда уже стемнело, среди этих красных домов-развалин блуждал какой-то молодой человек и звонил у каждой двери. У двенадцатой двери он поставил свой тощий чемоданчик на ступеньку и вытер пыль со лба и шляпы. Звонок прозвучал еле слышно, где-то далеко, в недрах дома.

В дверях этого двенадцатого по счету дома появилась хозяйка, похожая на противного жирного червя, который уже выгрыз всю сердцевину ореха и теперь заманивает в пустую скорлупу съедобных постояльцев.

Он спросил, есть ли свободные комнаты.

– Войдите, – сказала хозяйка. Голос шел у нее из горла, словно подбитого мехом. – Есть комната на третьем этаже, окнами во двор, уже неделю стоит пустая. Хотите посмотреть?

Молодой человек стал подниматься следом за ней по лестнице. Тусклый свет из какого-то невидимого источника скрадывал тени в коридорах. Хозяйка и гость бесшумно шли по устиланному лестницу ковру, такому древнему, что от него отсекся бы даже станок, на котором его ткали. Он теперь принадлежал скорее к растительному царству: выродился в этом затхлом, лишенном солнца воздухе в буйный лишайник или пышный мох, который пучками прирос к ступенькам и прилипал к подошвам, как органическое вещество. На каждом повороте лестницы в стене была пустая ниша. Здесь, возможно, стояли когда-то цветы. Если так, цветы, должно быть, погибли в этом нечистом, зловонном воздухе. Возможно также, что когда-нибудь в этих нишах помещались статуи святых, но легко было представить себе, что черти с чертенятами, выбрав ночь потемнее, выволокли их оттуда и ввергли в нечестивую глубь какой-нибудь меблированной преисподней.

– Вот комната, – раздалось из мехового горла хозяйки. – Хорошая комната. Она редко пустует. Прошлой лето у меня в ней жили прекрасные постояльцы: никаких неприятностей, и платили вперед, точно в срок. Кран в конце коридора. Три месяца ее снимали Спраулз и Муни. Актеры, играли скетчи. Мисс Брэгга Спраулз, может, слышали... Нет, нет, она только выступала под этой фамилией, брачное свидетельство висело вон там, над комодом, в рамке. Газ вот тут, стенные шкафы, как видите, есть. Такая комната кому не понравится. Она никогда не пустует подолгу.

– И часто актеры снимают у вас комнаты? – спросил молодой человек.

– Всяко бывает. Многие из моих постояльцев работают в театре. Да, сэр, в этом районе много театров. Актеры, они, знаете, нигде подолгу не живут. Бывает, что и у меня поселятся, всяко бывает.

Он сказал, что комната ему подходит и что он устал и никуда сегодня не пойдет. Он отдал деньги вперед за неделю. Комната прибрана, сказала хозяйка, даже вода и полотенце приготовлены. Когда она собралась уходить, он в тысячный раз задал вопрос, который вертелся у него на языке:

– Вы не помните среди ваших жильцов молодую девушку – мисс Вешнер, мисс Элоизу Вешнер? Скорее всего она поет на сцене. Красивая девушка, среднего роста, стройная, волосы рыжевато-золотистые и на левом виске темная родинка.

– Нет, такой фамилии не помню. Эти актеры меняют имена так же часто, как комнаты. Нынче они здесь, завтра уехали, всяко бывает. Нет, такой что-то не припомню.

Нет. Вечное нет. Пять месяцев беспрестанных поисков, и все напрасно. Сколько времени потрачено, днем – на расспрашивание антрепренеров, агентов, театральных школ и эстрадных хоров; по вечерам – в театрах, от самых серьезных до мюзик-холлов такого низкого пошиба, что он боялся найти там то, на что больше всего надеялся. Он любил ее сильнее всех и давно искал ее. Он был уверен, что после ее исчезновения из дому этот большой, опоясанный водою город прячет ее где-то, но город – как необъятное пространство зыбучего песка: те песчинки, что вчера еще были на виду, завтра затянет илом и тиной.

Меблированная комната встретила своего нового постояльца слабой вспышкой притворного гостеприимства, лихорадочным, вымученным, безучастным приветствием, похожим на лживую улыбку продажной красотки. Отраженный свет сомнительного комфорта исходил от ветхой мебели, от оборванной парчовой обивки дивана и двух стульев, от узкого дешевого зеркала в простенке между окнами, от золоченых рам на стенах и никелированной кровати в углу.

Новый жилец неподвижно сидел на стуле, а комната, путаясь в наречиях, словно она была одним из этажей Вавилонской башни, пыталась поведать ему о своих разношерстных обитателях.

Пестрый коврик, словно ярко расцвеченный прямоугольный тропический островок, окружало бурное море истоптанных циновок. На оклеенных серыми обоями стенах висели картины, которые по пятам преследуют всех бездомных, – «Любовь гугенота», «Первая ссора», «Свадебный завтрак», «Психея у фонтана». Целомудренно-строгая линия каминной доски стыдливо пряталась за наглой драпировкой, лихо натянутой наискось, как шарф у балерины в танце амазонок. На камине скопились жалкие обломки крушения, оставленные робинзонами в этой комнате, когда парус удачи унес их в новый порт, – грошовой вазочки, портреты актрис, пузырек от лекарства, разрозненная колода карт.

Один за другим, как знаки шифрованного письма, становились понятными еле заметные следы, оставленные постояльцами меблированной комнаты. Вытертый кусок ковра перед комодом рассказал, что среди них были красивые женщины. Крошечные отпечатки пальцев на обоях говорили о маленьких пленниках, пытавшихся найти дорогу к солнцу и воздуху. Неправильной формы пятно на стене, окруженное лучами, словно тень взорвавшейся бомбы, отмечало место, где разлетелся вдребезги полный стакан или бутылка. На зеркале кто-то криво нацарапал алмазом имя «Мари». Казалось, жильцы один за другим приходили в ярость – может быть, выведенные из себя вопиющим равнодушием комнаты – и срывали на ней свою злость. Мебель была изрезанная, обшарпанная; диван с торчащими пружинами казался отвратительным чудовищем, застывшим в уродливой предсмертной судороге. Во время каких-то серьезных беспорядков от каминной доски откололся большой кусок мрамора. Каждая половица бормотала и скрипела по-своему, словно жалуясь на личное, ей одной известное горе. Не верилось, что все эти увечья были умышленно нанесены комнате людьми, которые хотя бы временно называли ее своей, а впрочем, возможно, что ярость их распалил обманутый, подавленный, но еще не умерший инстинкт родного угла, мстительное озлобление против вероломных домашних богов. Самую убогую хижину, если только она наша, мы будем держать в чистоте, украшать и беречь.

Молодой человек, сидевший на стуле, дал этим мыслям прошагать на бесшумных подошвах по его сознанию, в то время как в комнату незаметно стекались меблированные звуки и запахи. Из одной комнаты донесся негромкий, прерывистый смех; из других – монолог разъяренной мегеры, стук игральных костей, колыбельная песня, приглушенный плач, над голо-

вой упоенно заливалось банджо. Где-то хлопали двери; то и дело громыхали мимо поезда надземки; во дворе на заборе жалобно мяукала кошка. И он вдыхал дыхание дома – скорее даже не запах, а промозглый вкус – холодные влажные испарения, словно из погребца, смешанные с зловонием линолеума и трухлявого, гниющего дерева.

И вдруг, пока он сидел все так же неподвижно, комнату наполнил сильный, сладкий запах резеды. Он вошел, словно принесенный порывом ветра, такой уверенный, проникновенный и яркий, что казался почти живым. И молодой человек крикнул: «Что, милая?» – словно его позвали, вскочил со стула и огляделся. Густой запах льнул к нему, обволакивал его. Он протянул руки, чтобы схватить его, все его чувства мгновенно смешались и спутались. Как может запах так настойчиво звать человека? Нет, это, конечно, был звук. Но тогда, значит, звук дотронулся до него, погладил по руке?

– Она была здесь! – крикнул он и заметался по комнате, надеясь вырвать у нее признание, так как был убежден, что узнает каждую мелочь, которая принадлежала ей или которой она касалась. Этот всепроникающий запах резеды, аромат, который она любила, ее аромат, откуда он?

Комната была прибрана не очень тщательно. На смятой салфетке комода валялось несколько спилок – этих молчаливых, безличных спутников всякой женщины: женского рода, неопределенного вида, неизвестно какого времени. Их он не стал разглядывать, понимая, что от них ничего не добиться. Роясь в ящиках комода, он нашел маленький разорванный носовой платок. Он прижал его к лицу. От платка нагло и назойливо пахло гелиотропом – он швырнул его на пол. В другом ящике ему попалось несколько пуговиц, театральная программа, ломбардная квитанция, две конфеты, сонник. В последнем ящике он увидел черный шелковый бант и на минуту затаил дыхание. Но черный шелковый бант – тоже сдержанное, безличное украшение любой женщины и ничего не может рассказать.

И тут он, как ищейка, пошел по следу: оглядывал стены, становился на четвереньки, чтобы ощупать углы бугристой циновки, обшарил столы и камин, портьеры и занавески и пьяный шкафчик в углу в поисках видимого знака, еще не веря, что она здесь, рядом, вокруг, в нем, над ним, льнет к нему, ластится, так мучительно взывает к его сознанию, что даже его чувства восприняли этот зов. Раз он опять ответил вслух: «Да, милая!» – и обернулся, но его широко раскрытые глаза увидели пустоту, потому что он не мог еще различить в запахе резеды очертаний, и красок, и любви, и протянутых рук. О боже! Откуда этот запах и давно ли у запахов есть голос? И он продолжал искать.

Он копался в углах и щелях и находил пробки и папиросы. Их он пренебрежительно отшвыривал. Но под циновкой ему попался окурочек сигары, и он, выругавшись злобно и грубо, раздавил его каблуком. Он просеял всю комнату как сквозь сито. Он прочел печальные и позорные строки о многих бродячих жильцах, но не нашел ни следа той, которую искал, которая, может быть, жила здесь, чей дух, казалось, витал в этой комнате.

Тогда он вспомнил о хозяйке.

Из населенной призраками комнаты он сбежал по лестнице вниз, к двери, из-под которой виднелась полоска света. Хозяйка вышла на его стук.

Он, насколько мог, подавил свое возбуждение.

– Скажите мне, пожалуйста, – умолял он ее, – кто жил в моей комнате до меня?

– Хорошо, сэр. Могу рассказать еще раз. Спраулз и Муни, как я вам и говорила. Мисс Брэтта Спраулз – это по сцене, а на самом деле – миссис Муни. У меня живут только порядочные люди, это всем известно. Брачное свидетельство висело в рамке, на гвозде, над...

– А что за женщина была эта мисс Спраулз, какая она была с виду?

– Да как вам сказать, сэр, брюнетка, маленького роста, полная, лицо веселое. Они съехали в прошлый вторник.

– А до них?

– А до них был одинокий джентльмен, работал по извозной части. Уехал и задолжал мне за неделю. До него была миссис Краудер с двумя детьми, жила четыре месяца, еще до них был старый мистер Доил, за того платили сыновья. Он занимал комнату шесть месяцев. Вот вам целый год, сэра, а раньше я и не припомню.

Он поблагодарил ее и поплелся назад в свою комнату. Комната умерла. Того, что вдохнуло в нее жизнь, больше не было. Аромат резеды исчез. Как прежде, пахло погребом и отсыревшей мебелью.

Взлет надежды отнял у него последние силы. Он сидел, тупо уставившись на желтый, шипящий газовый рожок. Потом подошел к кровати и стал раздирать простыни на полосы. Перочинным ножом он крепко законопатил ими дверь и окна. Когда все было готово, он потушил свет, открыл газ и благодарно растянулся на постели.

В этот вечер была очередь миссис Маккул идти за пивом. Она и сходила за ним и теперь сидела с миссис Пурди в одном из тех подземелий, где собираются квартирные хозяйки и где червь если и умирает, то редко.¹

– Сдала я сегодня мою комнату на третьем этаже, ту, что окнами во двор, – сказала миссис Пурди поверх целой шапки пены. – Снял какой-то молодой человек. Он уже два часа как лег спать.

– Да что вы, миссис Пурди, неужто сдали? – сказала миссис Маккул, сопя от восхищения. – Прямо чудо, как вы умеете сдавать такие комнаты. И как же вы, сказали ему или нет? – закончила она хриплым, таинственным шепотом.

– Меблированные комнаты, – сказала миссис Пурди на самых своих меховых нотах, – для того и существуют, чтобы их сдавать. Я ему ничего не сказала, миссис Маккул.

– И правильно сделали, миссис Пурди: чем же нам и жить, как не сдачей комнат. Вы, прямо скажу, деловая женщина. Ведь есть которые нипочем не снимут комнату, скажи им только, что в ней человек покончил с собой, да еще на кровати.

– Ваша правда, жить всем нужно, – заметила миссис Пурди.

– Нужно, миссис Пурди, ох как нужно! Сегодня как раз неделя, что я вам помогала обмывать покойницу. А хорошенькая была какая, и чего ей понадобилось травить себя газом, личико такое милое у нее было, миссис Пурди.

– Пожалуй, что и хорошенькая, – сказала миссис Пурди, соглашаясь, но не без критики, – только вот родинка эта на левом виске ее портила. Наливайте себе еще, миссис Маккул.

¹ Намек на евангельское: «Где червь их не умирает и огонь не погасает», то есть в аду, в «геенне огненной».

Недолгий триумф Тильди

Если вы не знаете закусочной и семейного ресторана Богля, вы много потеряли. Потому что если вы – один из тех счастливых, которым по карману дорогие обеды, вам должно быть интересно узнать, как уничтожает съестные припасы другая половина человечества. Если же вы принадлежите к той половине, для которой счет, поданный лакеем, – событие, вы должны узнать Богля, ибо там вы получите за свои деньги то, что вам причитается (по крайней мере по количеству).

Ресторан Богля расположен на проспекте Средней буржуазии – на бульваре Брауна-Джонса-Робинсона – на Восьмой авеню. В зале два ряда столиков, по шести в каждом ряду. На каждом столике стоит судок с приправами. Из перечницы вы можете вытрясти облачко чего-то меланхоличного и безвкусного, как вулканическая пыль. Из солонки не сыплется ничего. Даже человек, способный выдавить красный сок из белой репы, потерпел бы поражение, вздумай он добыть хоть крошку соли из боглевской солонки. Кроме того, на каждом столе имеется баночка подделки под сверхострый соус, изготавливаемый по рецепту одного индийского раджи.

За кассой сидит Богль, холодный, суровый, медлительный, грозный, и принимает от вас деньги. Выглядывая из-за горы зубочисток, он дает вам сдачу, накаливает ваш счет, отрывисто, как жаба, бросает вам замечание насчет погоды. Но мой вам совет – ограничьтесь подтверждением его метеорологических пророчеств. Ведь вы – не знакомый Богля; вы случайный кормящийся у него посетитель; вы можете больше не встретиться с ним до того дня, когда труба Гавриила призовет вас на последний обед. Поэтому берите вашу сдачу и катитесь куда хотите, хоть к черту. Такова теория Богля.

Посетителей Богля обслуживали две официантки и Голос. Одну из девушек звали Эйлин. Она была высокого роста, красивая, живая, приветливая и мастерица позубоскалить. Ее фамилия? Фамилии у Богля считались такой же излишней роскошью, как полоскательницы для рук.

Вторую официантку звали Тильди. Почему обязательно Матильда? Слушайте внимательно: Тильди, Тильди. Тильди была маленькая, толстенькая, некрасивая и прилагала слишком много усилий, чтобы всем угодить, чтобы всем угодить. Перечитайте последнюю фразу раза три, и вы увидите, что в ней есть смысл.

Голос был невидимкой. Он исходил из кухни и не блистал оригинальностью. Это был непросвещенный Голос, который довольствовался простым повторением кулинарных восклицаний, издаваемых официантками.

Вы позволите мне еще раз повторить, что Эйлин была красива? Если бы она надела двухсотдолларовое платье и прошла бы в нем на пасхальной выставке нарядов, и вы увидели бы ее, вы сами поторопились бы сказать это.

Клиенты Богля были ее рабами. Она умела обслуживать сразу шесть столов. Торопившиеся сдерживали свое нетерпение, радуясь случаю полюбоваться ее быстрой походкой и грациозной фигурой. Насытившиеся заказывали еще что-нибудь, чтобы подольше побыть в сиянии ее улыбки. Каждый мужчина – а женщины заглядывали к Боглю редко – старался произвести на нее впечатление.

Эйлин умела перебрасываться шутками с десятью клиентами одновременно. Каждая ее улыбка, как дробинки из дробовика, попадала сразу в несколько сердец. И в это же самое время она умудрялась проявлять чудеса ловкости и проворства, доставляя на столы свинину с фасолью, рагу, яичницы, колбасу с пшеничным соусом и всякие прочие яства в сотейниках и на сковородках, в стоячем и лежащем положении. Все эти пиршества, флирт и блеск остроумия превращали ресторан Богля в своего рода салон, в котором Эйлин играла роль мадам Рекамье.

Если даже случайные посетители бывали очарованы восхитительной Эйлин, то что же делалось с завсегдатаями Богля? Они обожали ее. Они соперничали между собою. Эйлин могла

бы весело проводить время хоть каждый вечер. По крайней мере два раза в неделю кто-нибудь водил ее в театр или на танцы. Один толстый джентльмен, которого они с Тильди прозвали между собой Боровом, подарил ей колечко с бирюзой. Другой, получивший кличку Нахал и служивший в ремонтной мастерской, хотел подарить ей пуделя, как только его брат-возчик получит подряд на Девятой улице. А тот, который всегда заказывал свиную грудинку со шпинатом и говорил, что он биржевой маклер, пригласил ее на «Парсифаля».

– Я не знаю, где это Парсифаль и сколько туда езды, – заметила Эйлин, рассказывая об этом Тильди, – но я не сделаю ни стежка на моем дорожном костюме, до тех пор пока обручальное кольцо не будет у меня на пальце. Права я или нет?

А Тильди...

В пропитанном парами, болтовней и запахом капусты заведении Богля разыгрывалась настоящая трагедия. За кубышкой Тильди, с ее носом-пуговкой, волосами цвета соломы и веснушчатым лицом, никогда никто не ухаживал. Ни один мужчина не провожал ее глазами, когда она бегала по ресторану, разве что голод заставит их жадно высматривать заказанное блюдо.

Никто не заигрывал с нею, не вызывал ее на веселый турнир остроумия. Никто не подтрунивал над ней по утрам, как над Эйлин, не говорил ей, скрывая под насмешкой зависть к неведомому счастливцу, что она, видно, позднею пришла вчера домой, что так медленно подает сегодня. Никто никогда не дарил ей колец с бирюзой и не приглашал ее на таинственный, далекий Парсифаль.

Тильди была хорошей работницей, и мужчины терпели ее. Те, что сидели за ее столиками, изъяснялись с ней короткими цитатами из меню, а затем уже другим, медовым голосом заговаривали с красавицей Эйлин. Они ерзали на стульях и старались из-за приближающейся фигуры Тильди увидеть Эйлин, чтобы красота ее превратила их яичницу с ветчиной в амброзию.

И Тильди довольствовалась своей ролью серенькой труженицы, лишь бы на долю Эйлин доставались поклонение и комплименты. Нос пуговкой питал верноподданнические чувства к короткому греческому носику. Она была другом Эйлин, и она радовалась, видя, как Эйлин властвует над сердцами и отвлекает внимание мужчин от дымящегося пирога и лимонных пирожных. Но глубоко под веснушчатой кожей и соломенными волосами у самых некрасивых из нас таится мечта о принце или принцессе, которые придут только для нас одних.

Однажды утром Эйлин пришла на работу с подбитым глазом, и Тильди излила на нее потоки сочувствия, способные вылечить даже трахому.

– Нахал какой-то, – объяснила Эйлин. – Вчера вечером, когда я возвращалась домой, пристал ко мне на Двадцать третьей. Лезет да и только. Ну, я его отшила, и он отстал. Но оказалось, что он все время шел за мной. На Восемнадцатой он опять начал приставать. Я как размахнулась да как ахну его по щеке! Тут он мне этот фонарь и наставил. Правда, Тильди, у меня ужасный вид? Мне так неприятно, что мистер Никольсон увидит, когда придет в десять часов пить чай с гренками.

Тильди слушала, и сердце у нее замирало от восторга. Ни один мужчина никогда не пытался приставать к ней. Она была в безопасности на улице в любой час дня и ночи. Какое это, должно быть, блаженство, когда мужчина преследует тебя и из любви ставит тебе фонарь под глазом!

Среди посетителей Богля был молодой человек по имени Сидерс, работавший в прачечной. Мистер Сидерс был худ и белобрыс, и казалось, что его только что подсушили и накрахмалили. Он был слишком застенчив, чтобы добиваться внимания Эйлин, поэтому он обычно садился за один из столиков Тильди и обрекал себя на молчание и вареную рыбу.

Однажды, когда мистер Сидерс пришел обедать, от него пахло пивом. В ресторане было только два-три посетителя. Покончив с вареной рыбой, мистер Сидерс встал, обнял Тильди за

талию, громко и бесцеремонно поцеловал ее, вышел на улицу, показал кукиш своей прачечной и отправился в пассаж опускать монетки в щели автоматов.

Несколько секунд Тильди стояла окаменев. Потом до сознания ее дошло, что Эйлин грозит ей пальцем и говорит:

– Ай да Тиль, ай да хитрюга! На что это похоже! Этак ты отобьешь у меня всех моих поклонников. Придется мне следить за тобой, моя милая.

И еще одна мысль забрезжила в сознании Тильди. В мгновение ока из безнадежной, смиренной поклонницы она превратилась в такую же дочь Евы, сестру всемогущей Эйлин. Она сама стала теперь Цирцеей, целью для стрел Купидона, сабинянкой, которая должна остерегаться, когда римляне пируют. Мужчина нашел ее талию привлекательной и ее губы желанными. Этот стремительный, опаленный любовью Сидерс, казалось, совершил над ней то чудо, которое совершается в прачечной за особую плату. Сняв грубую дерюгу ее непривлекательности, он в один миг выстирал ее, просушил, накрахмалил, выгладил и вернул ей в виде тончайшего батиста – облачения, достойного самой Венеры.

Веснушки Тильди потонули в огне румянца. Цирцея и Психея вместе выглянули из ее загоревшихся глаз. Ведь даже Эйлин никто не обнимал и не целовал в ресторане у всех на глазах.

Тильди была не в силах хранить эту восхитительную тайну. Воспользовавшись коротким затишьем, она как бы случайно остановилась возле конторки Богля. Глаза ее сияли; она очень старалась, чтобы в словах ее не прозвучала гордость и похвальба.

– Один джентльмен оскорбил меня сегодня, – сказала она. – Он обхватил меня за талию и поцеловал.

– Вот как, – сказал Бogle, приподняв забрало своей деловитости. – С будущей недели будете получать на доллар больше.

Во время обеда Тильди, подавая знакомым посетителям, объявляла каждому из них со скромностью человека, достоинства которого не нуждаются в преувеличении:

– Один джентльмен оскорбил меня сегодня в ресторане. Он обнял меня за талию и поцеловал.

Обедающие принимали эту новость по-разному: одни выражали недоверие; другие поздравляли ее; третьи забросали ее шуточками, которые до сих пор предназначались только для Эйлин. И сердце Тильди ширилось от счастья – наконец-то на краю однообразной серой равнины, по которой она так долго блуждала, показались башни романтики.

Два дня мистер Сидерс не появлялся. За это время Тильди прочно укрепилась на позиции интересной женщины. Она накупила лент, сделала себе такую же прическу, как у Эйлин, и затянула талию на два дюйма туже. Ей становилось и страшно, и сладко от мысли, что мистер Сидерс может ворваться в ресторан и застрелить ее из пистолета. Вероятно, он любит ее безумно, а эти страстные влюбленные всегда бешено ревнивы. Даже в Эйлин не стреляли из пистолета. И Тильди решила, что лучше ему не стрелять; она ведь всегда была верным другом Эйлин и не хотела затмить ее славу.

На третий день в четыре часа мистер Сидерс пришел. За столиками не было ни души. В глубине ресторана Тильди накладывала в баночки горчицу, а Эйлин резала пирог. Мистер Сидерс подошел к девушкам.

Тильди подняла глаза и увидела его. У нее захватило дыхание, и она прижала к груди ложку, которой накладывала горчицу. В волосах у нее был красный бант; на шее – эмблема Венеры с Восьмой авеню – ожерелье из голубых бус с символическим серебряным сердечком.

Мистер Сидерс был красен и смущен. Он опустил одну руку в карман брюк, а другую – в свежий пирог с тыквой.

– Мисс Тильди, – сказал он, – я должен извиниться за то, что позволил себе в тот вечер. Правду сказать, я тогда здорово выпил, а то никогда не сделал бы этого. Я бы никогда ни с одной

женщиной не поступил так, если бы был трезвый. Я надеюсь, мисс Тильди, что вы примете мое извинение и поверите, что я не сделал бы этого, если бы понимал, что делаю, и не был бы пьян.

Выразив столь деликатно свое раскаяние, мистер Сидерс дал задний ход и вышел из ресторана, чувствуя, что вина его заглажена.

Но за спасительной ширмой Тильди упала головой на стол среди кусочков масла и кофейных чашек и плакала навзрыд – плакала и возвращалась на однообразную серую равнину, по которой блуждают такие, как она, с носом-пуговкой и волосами цвета соломы. Она сорвала свой красный бант и бросила его на пол. Сидерса она глубоко презирала: она приняла его поцелуй за поцелуй принца, который нашел дорогу в заколдованное царство сна, и привел в движение уснувшие часы, и заставил суетиться сонных пажей. Но поцелуй был пьяный и неумышленный; сонное царство не шелохнулось, услышав ложную тревогу; ей суждено навеки остаться спящей красавицей.

Однако не все было потеряно. Рука Эйлин обняла ее, и красная рука Тильди шарилась по столу среди объедков, пока не почувствовала теплого пожатия друга.

– Не огорчайся, Тиль, – сказала Эйлин, не вполне понявшая, в чем дело. – Не стоит того этот Сидерс. Не джентльмен, а белобрысая защипка для белья – вот он что такое. Будь он джентльменом, разве он стал бы просить извинения?

Купидон порционно

– Женские склонности, – сказал Джефф Питерс, после того как по этому вопросу высказано было уже несколько мнений, – направлены обыкновенно в сторону противоречий. Женщина хочет того, чего у вас нет. Чем меньше чего-нибудь есть, тем больше она этого хочет. Она любит хранить сувениры о событиях, которых вовсе не было в ее жизни. Односторонний взгляд на вещи несовместим с женским естеством.

У меня есть несчастная черта, рожденная природой и развитая путешествиями, – продолжал Джефф, задумчиво поглядывая на печку между своими высоко задранными кверху ногами. – Я глубже смотрю на некоторые вещи, чем большинство людей. Я надыхался парами бензина, ораторствуя перед уличной толпой почти во всех городах Соединенных Штатов. Я зачаровывал людей музыкой, красноречием, проворством рук и хитрыми комбинациями, в то же время продавая им ювелирные изделия, лекарства, мыло, средство для ращения волос и всякую другую дрянь. И во время моих путешествий я для развлечения, а отчасти во искупление грехов изучал женщин. Чтобы раскусить одну женщину, человеку нужна целая жизнь, но начатки знания о женском поле вообще он может приобрести, если посвятит этому, скажем, десять лет усердных и пристальных занятий. Очень много полезного по этой части я узнал, когда распространял на Западе бразильские брильянты и патентованные растопки, – это после моей поездки из Саванны, через хлопковый пояс, с дельбиевским невзрывающимся порошком для ламп. То было время первого расцвета Оклахомы. Гатри рос в центре этого штата, как кусок теста на дрожжах. Это был типичный городок, рожденный бумом: чтобы умыться, становись в очередь; если засидишься в ресторане за обедом дольше десяти минут, к твоему счету прибавляют за постой; если ночевал на полу в гостинице, утром тебе ставят в счет полный пансион.

По убеждениям моим и по природе я склонен везде разыскивать наилучшие места для кормежки. Я огляделся и нашел заведение, которое меня устраивало как нельзя лучше. Это был ресторан-палатка, только что открытый семьей, которая прибыла в город по следу бума. Они наскоро построили домик, в котором жили и готовили, и приткнули к нему палатку, где и помещался собственно ресторан. Палатка эта была разукрашена плакатами, рассчитанными на то, чтобы вырвать усталого пилигрима из греховных объятий пансионеров и гостиниц для приезжающих. «Попробуйте наше домашнее печенье», «Горячие пирожки с кленовым сиропом, какие вы ели в детстве», «Наши жареные цыплята при жизни не кукарекали!» – такова была эта литература, долженствовавшая способствовать пищеварению гостей. Я сказал себе, что надо будет бродячему сынку своей мамы пожевать чего-нибудь вечером в этом заведении. Так оно и случилось. И здесь-то я познакомился с Мэйми Дьюган.

Старик Дьюган – шесть футов индианского бездельника – проводил время, лежа в качалке и вспоминая недород восемьдесят шестого года. Мамаша Дьюган готовила, а Мэйми подавала. Как только я увидел Мэйми, я понял, что во всеобщей переписи допустили ошибку. В Соединенных Штатах была, конечно, только одна девушка! Подробно описать ее довольно трудно. Ростом она была примерно с ангела, и у нее были глаза и этакая повадка. Если вы хотите знать, какая это была девушка, вы их можете найти целую цепочку – она протянулась от Бруклинского моста на запад до самого здания суда в Каунсил-Блафс, штат Индиана. Они зарабатывают себе на жизнь, работая в магазинах, ресторанах, на фабриках и в конторах. Они происходят по прямой линии от Евы, и они-то и завоевали права женщины, а если вы вздумаете эти права оспаривать, то имеете шанс получить хорошую затрещину. Они хорошие товарищи, они честны и свободны, они нежны и дерзки и смотрят жизни прямо в глаза. Они встречались с мужчиной лицом к лицу и пришли к выводу, что существо это довольно жалкое. Они уреди-

лись, что описания мужчины, имеющиеся в романах для железнодорожного чтения и рисующие его сказочным принцем, не находят себе подтверждения в действительности.

Вот такой девушкой и была Мэйми. Она вся переливалась жизнью, весельем и бойкостью; с гостями за словом в карман не лазила, помереть можно было со смеху, как она им отвечала. Я не люблю производить раскопки в недрах личных симпатий. Я придерживаюсь теории, что противоречия и несуразности заболевания, известного под названием любви, – дело такое же частное и персональное, как зубная щетка. По-моему, биографии сердец должны находить себе место рядом с историческими романами из жизни печени только на журнальных страницах, отведенных для объявлений. Поэтому вы мне простите, если я не представлю вам полного прейскуранта тех чувств, которые я питал к Мэйми.

Скоро я обзавелся привычкой регулярно являться в палатку в нерегулярное время, когда там поменьше народа. Мэйми подходила ко мне улыбаясь, в черном платице и белом переднике, и говорила: «Хелло, Джефф, почему не пришли в положенное время? Нарочно опаздываете, чтобы всех беспокоить? Жареные-цыплята-бифштекс-свинные-отбивные-яичница-ветчиной» – и так далее. Она называла меня Джефф, но из этого ровно ничего не следовало. Надо же ей было как-нибудь отличать нас друг от друга. А так было быстрее и удобнее. Я съедал обыкновенно два обеда и старался растянуть их, как на банкете в высшем обществе, где меняют тарелки и жен и перекидываются шуточками между глотками. Мэйми все это сносила. Не могла же она устраивать скандалы и упускать лишний доллар только потому, что он прибыл не по расписанию.

Через некоторое время еще один парень – его звали Эд Коллиер – возымел страсть к приятию пищи в неурочное время, и благодаря мне и ему между завтраком и обедом и обедом и ужином были перекинуты постоянные мосты. Палатка превратилась в цирк с тремя аренами, и у Мэйми совсем не оставалось времени, чтобы отдохнуть за кулисами. Этот Коллиер был напичкан разными намерениями и ухищрениями. Он работал по части бурения колодцев, или по страхованию, или по заявкам, или – черт его знает – не помню уж по какой части. Он был довольно густо смазан хорошими манерами и в разговоре умел расположить к себе. Мы с Коллиером развели в палатке атмосферу ухаживания и соревнования. Мэйми держала себя на высоте беспристрастности и распределяла между нами свои любезности, словно сдавала карты в клубе: одну мне, одну Коллиеру и одну банку. И ни одной карты в рукаве.

Мы с Коллиером, конечно, познакомились и иногда даже проводили вместе время за стенами палатки. Без своих военных хитростей он производил впечатление славного малого, и его враждебность была забавного свойства.

– Я заметил, что вы любите засиживаться в банкетных залах после того, как гости все разошлись, – сказал я ему как-то, чтобы посмотреть, что он ответит.

– Да, – сказал Коллиер, подумав. – Шум и толкотня раздражают мои чувствительные нервы.

– И мои тоже, – сказал я. – Славная девочка, а?

– Вот оно что, – сказал Коллиер и засмеялся. – Раз уж вы сказали это, я могу вам сообщить, что она не производит дурного впечатления на мой зрительный нерв.

– Мой взор она прямо-таки радует, – сказал я. – И я за ней ухаживаю. Сим ставлю вас в известность.

– Я буду столь же честен, – сказал Коллиер. – И если только в аптекарских магазинах здесь хватит пепсина, я вам задам такую гонку, что вы придете к финишу с несварением желудка.

Так началась наша скачка. Ресторан неустанно пополняет запасы. Мэйми нам прислуживает, веселая, милая и любезная, и мы идем голова в голову, а Купидон и повар работают в ресторане Дьюгана сверхурочно.

Как-то в сентябре я уговорил Мэйми выйти погулять со мной после ужина, когда она кончит уборку. Мы прошлись немножко и уселись на бревнах в конце города. Такой случай мог

не скоро еще представиться, и я высказал все, что имел сказать. Что бразильские брильянты и патентованные растопки дают мне доход, который вполне может обеспечить благополучие двоих, что ни те, ни другие не могут выдержать конкуренцию в блеске с глазами одной особы и что фамилию Дьюган необходимо переменить на Питерс, – а если нет, то потрудитесь объяснить, почему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.